

А.Н. БАРАНОВ

Метафорические грани феномена коррупции

Метафора как инструмент исследования общественного сознания и политического мышления

В современной прикладной политологии, социальной психологии и политической лингвистике разработан целый комплекс средств изучения общественного сознания. Широкое распространение получили методики контент-анализа, фокус-групп; в ряде случаев используется когнитивное картирование и операционный код¹. Все эти методы обладают своими преимуществами и недостатками, дополняя и корректируя друг друга. Большинство имеющихся методик позволяет оценить преимущественно только ту часть сознания – отдельного человека или социальной группы, – которая актуально осознается, представляет собой эксплицитную часть мыслительных процессов, в частности процесса принятия решений. Между тем многие социальные и когнитивные феномены не могут быть адекватно описаны без учета имплицитной, бессознательной составляющей. К ним относятся ценностные категории типа Истины, Правды, Справедливости, Равенства, а также феномен Коррупции, имеющий не только политическую, но и культурную, социальную и психологическую составляющие. При исследовании подобных сложных феноменов общественного сознания необходимо использовать не только традиционные методики контент-анализа и фокус-групп, но и другие методы, оценивающие скрытое, имплицитное отношение субъекта к тому или иному явлению общественной жизни. В данной работе предлагается один из методов такого рода – анализ метафор, основанный на идеологии когнитивной лингвистики.

В когнитивной лингвистике и прямо связанной с ней по методологии политической лингвистике метафора рассматривается как инструмент анализа состояния общественного сознания. Исследование типов метафорических моделей в политическом дискурсе позволяет выявить имплицитные, часто не осознаваемые человеком интенции, общие характеристики отношения к действительности, к социальным и культурным феноменам [Metaphor... 1979; Теория... 1990; Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987].

Один из первых экспериментов такого рода был проведен К. де Ландтсхеер на материале голландского политического дискурса за период с 1831 по 1981 гг. В работе была установлена связь между высокой частотой использования в политическом

¹ Последние методы менее известны в отечественной традиции (см. [Херадштейт, Нарвесен, 1987; Баранов, 2001]).

дискурсе политических метафор и периодами политико-экономических кризисов [Landtsheer, 1991]. Для русского политического языка близкое по методологии исследование было проведено автором данной статьи по публикациям российской прессы в период августовского кризиса 1998 г. В результате удалось показать существенное возрастание частоты употребления метафор в период кризиса и постепенное падение частотности метафоричности вплоть до декабря 1998 г. [Баранов, 2000].

Основные теоретические предпосылки использования метафор для исследования политической ситуации и политического мышления, сформулированные в когнитивной теории метафоры, можно обобщить в следующих тезисах:

- метафора формируется в результате когнитивного взаимодействия **области источника** и **области цели**; так, для метафоры *война законов* областью источника являются знания о военных действиях (войне), а областью цели – сфера законодательства;
- в прототипическом случае область источника более конкретна, чем область цели; иными словами, метафора позволяет осмысливать более абстрактное в более конкретных категориях;

- метафора представляет собой не просто языковой, а когнитивный феномен, отражающий процесс человеческого мышления;

- метафора позволяет придать смысл человеческому опыту;

- метафоры используются для категоризации проблемной ситуации и формируют набор альтернатив для решения проблемной ситуации (так, осмысление оппонента в споре как врага в метафоре Войны увеличивает конфликтность общения по сравнению с метафорой Танца, в которой спор воспринимается как совместная деятельность для достижения эстетического эффекта);

- как "стертые" или конвенциональные метафоры (типа *механизм рынка*, *волна протестов*), так и новые, креативные метафоры (*коллективный Распутин* – о правительстве; *боцман крейсера Аврора* – о Горбачеве) характеризуют процессы мышления, отражая особенности восприятия абстрактных и конкретных категорий;

- склонность к использованию конфликтных метафор (типа Войны, Состязания, Спорта) характеризует конфликтное, кризисное мышление; приверженность к *органистическим* метафорам (Растение-дерево, Организм) отражает неконфликтное осмысление опыта; *конструктивные* или *рациональные* метафоры (Механизм, Строение) свойственны рационалистическому способу мышления [Баранов, 2003^a].

Общее тематическое поле однородных понятий области источника представляет собой "**метафорическую модель**" (**М-модель**). Например, тематическое поле понятий, связанных с военными действиями, армией, образует М-модель Войны; понятия из области родственных отношений формируют М-модель Родственных отношений. По таким же основаниям выделяются М-модели Персонификации, Механизма, Организма, Пути-Дороги (как части М-модели Пространства), Пространства (и Движения как части М-модели Пространства), Погоды, Фауны, Растения-дерева, Медицины, Религии-Мифологии, Театра, Игры и др.

Согласно когнитивной теории метафоры, изучение набора метафорических моделей, в терминах которых описывается определенный концепт в дискурсе, может дать важную информацию о том, как в действительности осмысливается данный феномен человеком. Причем это может относиться как к тому, что осознается человеком, так и к тому, что остается в сфере подсознания. Именно для выявления скрытых феноменов психики используется анализ языковых метафор в нейролингвистическом программировании при сборе информации о состоянии клиента и в процессе влияния на него.

В статье представлены результаты эксперимента по изучению метафор, функционирующих в дискурсе о Коррупции. В качестве источника использовались тексты серии глубинных интервью, проводившихся с экспертами по коррупции². Цель иссле-

² Интервью проводились в рамках проекта фонда ИНДЕМ по изучению коррупции под руководством Г. Сатарова.

дования заключалась в выявлении особенностей осмысления этого феномена специалистами, а также онтологизация, то есть экспликация скрытой составляющей знаний экспертов о сфере коррупции. Дополнительно было проведено изучение фоновых материалов – репрезентативного корпуса текстов средств массовой информации за период с 1997 по 1999 г. по той же проблематике – и сравнение экспертных текстов с фоновыми материалами.

Организация и проведение эксперимента

В эксперименте задействованы два корпуса текстов. Первый – **корпус экспертных текстов** (далее "экспертный корпус") – включал 23 интервью, проведенных сотрудниками ИНДЕМа со специалистами в области государственного управления, журналистики, юриспруденции, правоохранительных органов, тесно соприкасавшихся по роду своей деятельности с феноменом коррупции. Использовался специальный опросник, включавший 15 основных тем: 1) определение коррупции; 2) советские истоки коррупции; 3) переходный период от советской коррупции к рыночной; 4) факторы, способствующие коррупции; 5) государственная служба; 6) прецеденты столкновения эксперта с коррупцией; 7) распространенность коррупции; 8) коррупция в органах правопорядка; 9) коррупция и политика; 10) коррупция и законодательство; 11) коррупционные сети; 12) потери от коррупции; 13) кто против коррупции?; 14) антикоррупционные меры; 15) сопротивление антикоррупционной политике [Анализ... 2000]. Общий объем корпуса экспертных текстов составил около 157 тыс. словоупотреблений. Тексты корпуса анализировались с точки зрения использования в них метафор по отношению к понятию "коррупция". Метафора в анализируемых интервью понималась довольно широко и включала не только новые, креативные метафоры (например, один из респондентов, говоря об экспертных советах, назвал их "еще одной *витриной коррупции*"), но и стертые метафоры, фиксированные в переносных значениях слов (например, "самый опасный вид коррупции... *сращивание* деятельности государственного чиновника с бизнесом и с организованной преступностью").

Учитывались только те метафоры, которые встречались в ответах экспертов. Метафоры, "наведенные" интервьюерами, принимались во внимание только в том случае, если они подхватывались экспертом. К числу метафорических контекстов были отнесены также высказывания, в которых категоризация понятия "коррупция" осуществлялась в терминах довольно абстрактных категорий типа "система": "Подобная философия государственного регулирования – действительно, хаос, действительно, бардак, действительно, хочется, чтобы было больше порядка; в российских условиях это возврат к более узким, но более глубоким *коррупционным системам*".

В традиционном понимании такая концептуализация вряд ли будет отнесена к метафорической. Она противоречит и известной гипотезе Дж. Лакоффа, воплощенной в тезисе об "однаправленности метафорической проекции", согласно которому метафорический перенос осуществляется из области источника, представляющего собой опыт физического взаимодействия человека с окружающим миром, в область цели, относящуюся к психологическим состояниям человека. Иными словами, метафора – это, кроме всего прочего, осмысление сложного в терминах простого, но не наоборот [Lakoff, Johnson, 1980, p. 109].

Тезис об "однаправленности метафорической проекции" применим, однако, только к ядру метафор (к парадигмальным метафорам). Этот тезис не вполне оправданно сужает категорию метафоры в целом, что вряд ли продуктивно, например, при изучении поэтического языка, языка художественной прозы, языка науки. Данный тезис допустим при исследовании только такого дискурса, в котором превалирует когнитивная функция. Между тем конституирующим свойством метафоры является ее способность порождать неограниченное количество следствий, отражающих неисчерпаемость и недискретность внешнего мира [Баранов, 1991]. По этому свойству

концептуализация области цели как "системы" оказывается очень близкой метафорической. Это наукообразная метафора, заставляющая рассматривать явление Коррупции как совокупность единиц и связывающих их отношений. Количество следствий такой концептуализации не поддается исчислению. В данном случае важно также, что метафора "системы" несет с собой и прагматические следствия, придавая научный статус высказываниям, содержащим подобную концептуализацию.

Тексты экспертного корпуса анализировались полностью, причем контексты отбирались не только в тех случаях, когда слово "коррупция" было эксплицитно представлено в поверхностной структуре предложения, но и в тех, когда концепт Коррупции только подразумевался. Контексты использования метафор вводились в базу данных, где каждая запись получала маркер соответствующей метафорической модели: Жидкость, Рынок, Грань, Система, Сеть, Персонификация и т.д.

Несколько по-иному происходила обработка **корпуса текстов, извлеченных из материалов периодической печати** за 1997–1999 гг. (далее "фоновый корпус")³. Объем фонового корпуса – 21 млн словоупотреблений. Он включает публикации основных центральных российских изданий: "Известия", "Независимая газета", "Московские новости", "Московский комсомолец", "Огонек", "Правда", "Советская Россия", "Завтра" – всего около 30 различных источников. В отличие от экспертного, фоновый корпус содержит публикации не только по проблемам Коррупции. Поэтому данный корпус был обработан программой "Кси", и найдены все имеющиеся в корпусе контексты употребления слова "коррупция". Всего обнаружено 1 760 употреблений, из них 175 – метафорических. Метафорические контексты вводились в базу данных и кодировались по метафорическим моделям – по той же методологии, что и при обработке экспертного корпуса.

Далее анализировалась частота употребления метафорических моделей; выявлялись связи между частотой и темой интервью, между метафорическими моделями экспертного и фонового корпусов.

Количественная оценка метафорических моделей в экспертном корпусе

В экспертном корпусе было выявлено 443 случая употребления метафор. В тех случаях, когда было возможно, выявленные М-модели на основании общности семантики объединялись в более крупные. Например, метафоры Барьер, Бремя, Грань, Ограниченное пространство, Паутина, Сито, Фильтр объединены по семантическому следствию в метафорическую модель более высокого уровня – Ограничительная метафора⁴: "ограничение, сужение чего-либо – деятельности субъекта, прозрачности источника света, пространства и пр.". Вместе с тем метафоры Бактерия, Бацилла, Вирус, Гниение, Заражение, Метастазы, Опухоль, Паразит, Порча, Протухание, Разложение, Рак, Рост бактерий, Язва по семантическому следствию сведены в М-модель Болезни: "общие компоненты, составляющие заболевания: бактерия, бацилла и т.д. – то, что инициирует заболевание, заражение, гниение – последствия заболевания и т.д.". Для последующего изучения были отброшены низкочастотные модели с абсолютной частотой ниже пяти. В таблице 1 приведена частота употребления М-моделей.

Метафорическая модель Персонификации находится на пятом месте по относительной частоте. Сам факт этого совершенно нетривиален, поскольку в современном русском политическом дискурсе модель Персонификации – самая частотная, с существенным отрывом опережающая метафорическую модель Войны [Баранов, Караулов, 1994]. Как известно, метафора Персонификации предполагает осмысле-

³ В качестве фонового корпуса использовался корпус по современной публицистике, разработанный в отделе экспериментальной лексикографии ИРЯз РАН.

⁴ Точнее говоря, Ограничительная метафора представляет собой **констелляцию метафорических моделей** [Баранов, 2003^б].

**Частота употребления метафорических моделей в экспертном корпусе
без низкочастотных метафор**

Относительная частота	Метафорическая модель
0,174	Система
0,115	Жидкость
0,102	Сеть
0,068	Болезнь
0,063	Персонификация
0,059	Растение-дерево
0,052	Пространство
0,047	Механизм
0,038	Строение
0,036	Организм
0,034	Геометрия
0,032	Ограничительная метафора
0,029	Культура/Традиция
0,025	Тень
0,020	Природа
0,020	Физика
0,018	Рынок
0,016	Игра

ние неживого как живого, неодушевленного как одушевленного, предмета как лица (*Партия сказала, Вашингтон отказался от соглашения, Коррупция несет ответственность за огромные экономические потери в России и затрудняет процесс демократизации* и т.п.). Этот тип метафорической модели наиболее частотен и в немецком политическом дискурсе. Такое распределение частоты в ряде случаев повторяется и для отдельных политических концептов. Например, в метафорическом осмыслении понятия "Национальная идея" метафора Персонификации также занимает первое место [Баранов, Добровольский, Михайлов, 1997].

Интересно, что в данном случае такое распределение не повторяется. Это допускает несколько, в принципе совместимых, интерпретаций. Во-первых, эксперты не склонны рассматривать анализируемое понятие Коррупции как агенса, как субъекта, то есть отсутствует единый центр, которым она управляется, она как бы "разлита" в обществе, образуя его неотъемлемую часть. Во-вторых, Коррупция трудно верифицируема – она нигде и везде. В-третьих, поскольку Коррупция несубъектна, нет какого-то конкретного лица, института, которое несет за нее ответственность. В-четвертых, выбранный способ концептуализации, фактически исключающий понимание Коррупции как лица, затрудняет поиск адекватных антикоррупционных мероприятий: если лица, несущего ответственность за что-либо, нет, то против него и невозможно предпринимать какие-то действия.

Анализ показал, что в экспертном дискурсе превалирует концептуализация Коррупции как Системы. Категоризация Коррупции как Системы вполне согласуется с относительно низкой частотой метафорической модели Персонификации, поскольку следствия из модели Системы противоречат модели Персонификации. Например, из идеи Системы следует, что Коррупция – нечто большее, чем один субъект, лицо. Это множество организованных лиц, действующих по определенным правилам.

Следующая по частоте употреблений метафора Жидкости. Она согласуется с метафорой Системы на уровне следствий. Общими для Системы и Жидкости являются

ся: 1) вездесущность, всеобщность, глобальность; 2) гибкость, легкость изменения; 3) приспособляемость; 4) взаимосвязанность. Метафорическая модель Жидкости отличается от Системы идеей легкости проникновения в объект или пространство. В проанализированных материалах представлено еще одно важное следствие – "смазка государственного механизма"; однако оно наводится "Гидом экспертного интервью".

На третье место по частоте выходит метафорическая модель Сети. Это связано с тем, что она наводилась вопросами "Гида экспертного интервью". Одна из тем интервью названа "Коррупционные сети". Отвечая на вопросы типа "*Опишите пример известной Вам коррупционной сети*", эксперт вольно или невольно вынужден был категоризовать Коррупцию в терминах заданной метафоры. Заметим, впрочем, что эта модель легко сочетается с моделями Системы и Жидкости. В качестве основного когнитивного следствия этой модели можно считать идею взаимосвязанности, взаимозависимости.

Обращая на себя внимание практически полное отсутствие метафор, указывающих на конфликт – типа метафорических моделей Войны, Спора, Спорта. В определенной мере конфликтной может оказаться метафора Игры, но она занимает по частоте одну из наиболее низких позиций. Отсюда следует, что восприятие понятия Коррупция экспертами неконфликтно. Оно конфликтно на уровне пропозиций высказываний, то есть на уровне рационального, эксплицитного понимания. И экспертный корпус это подтверждает. Но опыт взаимодействия с феноменом Коррупции, по-видимому, подсказывает экспертам бесполезность постоянного конфликтного поведения. Долго продолжающийся конфликт постепенно интерпретируется когнитивной системой как норма. Это объясняет тот факт, что эксперты практически единодушны в том, что "кавалерийский наскок" на Коррупцию не даст желаемых результатов – вывод, который делается и в уже упоминавшемся "Анализе экспертных интервью" фонда ИНДЕМ. Следовательно, и борьба с этим феноменом в рамках "кавалерийского наскока" ощущается, скорее, как виртуальная, чем реальная.

Совершенно нетривиальным оказывается и то, что негативно-оценочные метафорические модели составляют лишь небольшую часть от общего числа всех моделей. К однозначно негативно-оценочным можно отнести только модели Болезни (30 употреблений) и Ограничительную метафору (14 употреблений). Подавляющее количество метафорических моделей позитивны или нейтральны. Иными словами, восприятие Коррупции на уровне неосознанной категоризации – **позитивно или нейтрально**. Отсюда заключение, которое делали многие эксперты: мгновенное уничтожение системы коррупционных отношений приведет к дисфункции всей системы, к коллапсу экономики и серьезным социальным проблемам.

Комплекс Органистических метафор, таких как Растение-дерево, Организм, Культура/Традиция, Природа, указывает на то, что эксперты воспринимают Коррупцию как **имманентное, естественное свойство российского социума**. Всего в корпусе обнаружилось 64 употребления метафор такого типа – порядка 15% от всех употреблений. С когнитивной точки зрения этот комплекс хорошо согласуется с моделью Системы. Важнейшее свойство Органистических метафор заключается в том, что Коррупция рассматривается как феномен, не подверженный рациональному вмешательству и способный к саморазвитию.

Рациональная категоризация Коррупции свойственна Механистическим метафорам типа Механизма, Строения, которых в корпусе 38 (8,6% от общего количества употреблений). Иными словами, Органистическая категоризация Коррупции существенно опережает Механистическую. Интересно, что это также противоречит общей метафорической структуре русского перестроечного и постперестроечного политического дискурса. В нем Органистические метафоры существенно уступают Механистическим (154 против 447 из 9525 метафор – без учета близких по семантике метафорических моделей) [Баранов, Караулов, 1994].

Распределение частоты метафор по темам интервью

Тема интервью	Частота
Сети	82
Истоки	71
Способствующие факторы	54
Определение	43
Переходный период	40
Прецеденты	27
Меры против коррупции	23
Распространение	22
Политика	20
Органы правопорядка	12
Потери	11
Кто против коррупции	10
Соппротивление	6
Законодательство	4
Госслужба	4

Связь частоты с темой интервью в экспертном корпусе

Частота использования метафор при обсуждении различных тем интервью не была постоянной величиной. Отчасти это зависело от количества вопросов в теме и от общего объема текста ответа на вопрос. Анализ связей темы с частотой метафор без учета объема текста позволяет оценить общую степень конфликтности обсуждения соответствующей коррупционной проблематики и определить ее актуальность. В таблице 2 представлена частота употребления метафор по темам интервью без учета объема текста.

Наиболее часто метафоры использовались при обсуждении темы "Коррупционные сети". Как уже отмечалось, в значительной степени это объясняется наведением метафоры Сети вопросами интервью.

Более показательно активное использование метафор при обсуждении тем "Истоки коррупции", "Способствующие факторы", "Определение", "Переходный период", "Прецеденты" (со второго по шестое место, соответственно). В то же время все прочие темы, относящиеся не к истории, а к современному состоянию, метафорически осмысливаются куда менее активно. Это можно объяснить тем, что **современная коррупция интуитивно воспринимается экспертами как менее травмирующая, чем советская**. Коррупция советских времен и сейчас стимулирует метафорическое мышление, как будто с нею сегодня надо бороться и искать альтернативы разрешения проблемной ситуации. Это явный парадокс. Возможно, мифологема о "насквозь прогнившем капиталистическом обществе, для которого коррупция – это норма" продолжает действовать и поныне. Корректировка по объему текста, приходящегося на каждую тему, дает несколько иные результаты, хотя различия вполне объяснимы и общей картины не меняют (см. табл. 3).

Цель корректировки по объему заключается в том, чтобы выяснить "плотность" употребления метафор на единицу объема. Понятно, чем выше плотность, тем большее внимание к проблеме, тем глубже затрагивает эксперта соответствующая тема. После корректировки поменялись местами темы "Истоки" и "Сети". Показательно, что тема "Истоки" после учета фактора объема вышла на первую позицию. Иными словами, вывод о том, что коррупция советских времен до сих пор остается очень конфликтной, подтверждается и после учета объема текста, посвященного этой теме, по сравнению с другими темами.

Распределение частоты метафор по темам интервью (с корректировкой по объему текста)

Тема интервью	Частота	Объем текста (словоупотребления)	“Плотность” употребления (коррекция)
Истоки	71	78 297	0,00091
Сети	82	103 190	0,00079
Определение	43	61 696	0,00070
Распространение	22	43 247	0,00051
Переходный период	40	80 446	0,00050
Потери	11	30 860	0,00036
Способствующие факторы	54	155 075	0,00035
Прецеденты	27	79 717	0,00034
Сопротивление	6	18 742	0,00032
Кто против коррупции	10	42 962	0,00023
Органы правопорядка	12	63 981	0,00019
Политика	20	127 282	0,00016
Меры против коррупции	23	187 431	0,00012
Законодательство	4	36 100	0,00011
Госслужба	4	112 472	0,00004

Последующие позиции тем интервью по частоте незначительно отличаются от первого варианта подсчета, не учитывающего объем. Так, тема "Определение" занимает в таблице 3 третье место, а в таблице 2 – четвертое. "Законодательство" и "Госслужба" вообще не изменили позиций. Усилили свои позиции темы "Распространение" и "Потери", перейдя, соответственно, с восьмого места на четвертое и с одиннадцатого – на шестое. Весьма вероятно, что это отражает озабоченность экспертов проблемами распространения коррупции и потерями, которые она вызывает. В то же время тема "Меры против коррупции" опустилась с седьмого на тринадцатое место, и это свидетельствует о том, что данная область в действительности не привлекает внимания экспертов (возможно, потому что у них нет конструктивных предложений и они предпочитают обходить этот аспект темы).

**Количественная оценка метафорических моделей
в фоновом корпусе в сравнении с экспертным**

Важнейший параметр сравнения двух исследованных корпусов – степень метафоричности дискурса, вычисляемая обычно как отношение количества метафорических употреблений к общему числу употреблений слов. Степень метафоричности дискурса по отношению к понятию Коррупции в прессе существенно ниже, чем в экспертных интервью. На 1 760 словоупотреблений приходится только 150 метафорических. То есть степень метафоричности равна 0,085. Степень метафоричности интервью – 0,36 (на 1 200 словоупотреблений 443 метафорических). Иными словами, экспертный дискурс оказался на порядок конфликтнее текстов средств массовой информации. Это вполне объяснимо, поскольку эксперты искусственно ставились в ситуацию активного обсуждения проблем коррупции с самых различных точек зрения. Причем некоторые темы интервью явно представляли проблему, и сформулировать ответ на них было непросто. К таким темам, как уже говорилось в предыдущем разделе, относится, например, "определение коррупции".

Наиболее частотные метафорические модели категоризации Коррупции в современной публицистике представлены в таблице 4. Сравнение способов категоризации Коррупции в экспертном и фоновом корпусах показывает полное отсутствие в фоновом корпусе метафорических моделей "Системы" и "Сети". Метафора "Сети", как

**Частота употребления метафорических моделей в фоновом корпусе
без низкочастотных метафор**

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
Растение-дерево	52	0,250
Болезнь	32	0,154
Персонификация	29	0,139
Живое	18	0,087
Жидкость	15	0,072
“Разъедающие” метафоры	14	0,067
Вязкое/пачкающее вещество	7	0,034
Ограничительные метафоры	5	0,024
Объединяющие метафоры	5	0,024

это уже отмечалось выше, подсказывается экспертам "Гидом интервью". Категоризация Коррупции как "Системы", скорее всего, объясняется общей особенностью мышления экспертов – установкой на поиск закономерностей в проблемной области. Идея "Системы" представляет собой наиболее общий способ научного осмысления не вполне ясного феномена, в данном случае – Коррупции. Существенно, что этот способ осмысления не налагает на эксперта никаких особых обязательств. "Системой", вообще говоря, можно объявить что угодно – бывают же и вырожденные, элементарные системы. Неслучайно многие эксперты испытывали существенные затруднения, когда их просили проиллюстрировать идею "Системы" или "Сети".

Если отвлечься от "Системы" и "Сети", то на первый план в экспертном корпусе выдвигается метафора "Жидкости" с важнейшим семантическим следствием "всепроникновения". Иными словами, эксперты внутренне готовы видеть Коррупцию практически везде, что приводит к снижению психологического порога криминальности. Многие эксперты отказывались, например, обсуждать Коррупцию в сфере медицины, образования, науки и просвещения, мотивируя это тяжелым экономическим положением врачей, ученых и преподавателей.

В отличие от экспертного корпуса, в публицистике метафора "Жидкости" занимает лишь пятую позицию. На первом месте с большим отрывом от других моделей идет метафорическая модель "Растение-дерево". К ней примыкают модели "Болезнь", "Персонификация" и "Живое". Органистические метафоры в корпусе публицистики не просто преобладают, а составляют большую часть – 74% (131 метафора из 177). Общественное сознание в еще большей степени, чем эксперты, склонно рассматривать Коррупцию как естественную, органичную часть российского социума. Конструктивные, рационалистические метафоры фактически отсутствуют, за исключением единичных вхождений. Иными словами, наметившаяся в экспертном корпусе тенденция к неконфликтной, естественной категоризации Коррупции в фоновом корпусе становится базовой закономерностью.

"Довесок" к органистическому осмыслению в фоновом корпусе образуют метафоры с негативной оценкой – "Вязкое/пачкающее вещество", "Разъедающие" метафоры ("Ржавчина", "Кислота").

* * *

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о том, как онтологизируется понятие Коррупции в сознании экспертов в этой области, и высказать вполне обоснованные предположения о категоризации Коррупции в общественном сознании в целом. Общий вывод состоит в том, что Коррупция осмысливается как **органическая, естественная часть** общественной жизни. На поверхностном

уровне, на уровне пропозиций (утверждений) текстов (как экспертных, так и в публицистике) конфликт провозглашается, участники дискуссии о Коррупции высказывают в явном виде свое отрицательное отношение к этому явлению. Однако языковые способы категоризации Коррупции показывают, что на уровне "коллективного бессознательного" конфликта нет. Почти полное отсутствие конструктивных, рационалистических метафор в осмыслении Коррупции свидетельствует о том, что российское общество не находит позитивных ресурсов для борьбы с этим социальным, психологическим, экономическим, политическим и культурным феноменом. Оно фактически сдалось и не в состоянии серьезно ему противодействовать.

Если ставить задачу направленного воздействия на общественное сознание с целью создания условий для борьбы с коррупцией, то, сознавая всю сложность этого, необходимо сосредоточить максимальные усилия для выявления *позитивного ресурса*, который может быть использован в антикоррупционных мероприятиях. На уровне технологии пропаганды это может быть продвижение позитивных примеров борьбы с Коррупцией в стране и за рубежом (например, в Италии, Германии, Индии). Важно также обратить внимание на пропагандистский потенциал, которым обладают отрицательные примеры борьбы с Коррупцией, – здесь возможно использование технологий, похожих на техники калибровки и рефрейминга в нейролингвистическом программировании. Иными словами, должен быть достигнут баланс между "чернухой" и позитивной составляющей.

В сфере речевого воздействия необходимо широкое внедрение рационалистических метафор типа "Механизм", "Строение", "Производственный процесс", "Технология". Они позволяют мысленно вести поиск инструментальных, реально воплощаемых альтернатив разрешения проблемной ситуации, игнорируя налет трансцендентальности зла, воплощенного в Коррупции, и питаемое общественной практикой бессилие человека перед нею.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анализ экспертных интервью. ИНДЕМ. 2000 (рукопись).
Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2003⁶. № 6.
Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // *Linguistic Change in Europe*. 1990–2000. Wien, 2000.
Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003³. № 2.
Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н. Интерпретация "национальной идеи" в политическом дискурсе // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997.
Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
Теория метафоры. М., 1990.
Херадштейн Д., Нарвесен У. Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago–London, 1987.
Lakoff G., Johnson M. Metaphors we Live by. Chicago, 1980.
Landsheer Ch. de. Function and the Language of Politics. A Linguistic Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. Vol. 24. № 3–4. 1991.
Metaphor and Thought. Cambridge, 1979.